

ский», «Новогритинский», «Олимпийский»), а также трансоимизация в сочетании с конверсией и усечением части слова на базе годонима («Градский») < годоним Ленинградская.

При помощи онимизации апеллятивов и ее разновидностей созданы около 28,5 % инсулонимов, пр.: онимизация существительных («Адмирал», «Изумруд», «Кристалл», «Мечта», «Премьера», «Ренессанс», «Соло», «Тандем», «Уют», «Чемпион»).

Составными являются чуть больше 14,3 % инсулонимов, чаще всего они включают два компонента и построены по нескольким моделям, пр.: прил. + сущ. («Солнечный берег»). Наименования «Белые ночи» и «Седьмое небо» формально также состоят из двух компонентов (прил. и сущ.), однако номинация происходит посредством онимизации устойчивых сочетаний «белые ночи» и «седьмое небо»); сущ. + сущ. («Панорама Парк»), числ. + сущ. («Две звезды»).

Широко представлены сочетания предлог + прил.: предлог «на», «по» + годоним в форме прил. («На Рыбинской», «На Первомайской») и другие дискриптивные конструкции с годонимами, описанные ранее.

Выводы

Выполненный анализ позволил рассмотреть структурно-семантические свойства и способы образования череповецких инсулонимов. Как видим, большей представленностью характеризуются имена, возникающие на основе принципа по связи объекта с другими объектами. Номинатор чаще всего обращает внимание на местоположение объекта, отличительной чертой наименований жилых домов и жилищных комплексов Череповца, несомненно, является обилие имен, образованных посредством образной номинации, далеко не всегда отражающих реальные свойства и качества предмета, но привлекающих потребителей своей яркостью и оригиналь-

ностью. По структуре преобладают однословные единицы и дискриптивные конструкции, двухсловные модели не популярны. При сопоставлении способов образования вологодских и череповецких инсулонимов видим большее единообразие последних.

К сожалению, большая часть инсулонимов прекращает свое существование после завершения рекламных кампаний и продажи объектов недвижимости, они еще не прошли проверку временем. Однако некоторые продолжают свое бытование в речи, так, например, в Вологде некоторые названия ТСЖ (товарищество собственников жилья) «наследуют» рекламное имя жилищного комплекса, пр.: ТСЖ «Южная роща», ТСЖ «Керамик», ТСЖ «Радуга» и ЖК «Южная роща», ЖК «Керамик», ЖК «Радуга».

В заключение отметим, что перспективами принятого исследования может стать сопоставление мотивационной базы сходных систем различных территорий, как городов Северо-Запада России, так и других округов, что позволит объективно выявить специфику анализируемой группы онимов – инсулонимов.

Литература

1. Дьякова Н.С. Новые топонимы на карте Вологды // Вестник Вологодского государственного университета. 2016. № 2. С. 70–74.
2. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. 148 с.

References

1. Dyakova N.S. Novye toponimi na karte Vologdy [New Place Names on the Map of Vologda] *Vestnik Volododskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vologda State University], 2016, № 2, pp. 70–74.
2. Rut M.E. *Obraznaia nominaciia v russkom iazike* [Figurative Nomination in the Russian Language], Ekaterinburg, 1992. 148 p.

УДК 82.1

Т.В. Дячук

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Санкт-Петербург)*

БОЛГАРСКИЙ ЭПИЗОД В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ Г.И. УСПЕНСКОГО

Очерки Г.И. Успенского о Болгарии относятся к забытым страницам его творчества. Став свидетелем кризиса в русско-болгарских отношениях (в 1885–1887 гг.), Успенский высказался по поводу «русской идеи» и «восточного вопроса» – проблем, волновавших русское общество во второй половине XIX века. Позиция Успенского резко расходилась со славяно-христианской идеологией Ф.М. Достоевского, И.С. Аксакова, Ф.И. Тютчева и др. Однако и в лагере народников Успенский не нашел сочувствия. В статье анализируются причины писательской неудачи, обусловленной идеологическим комплексом разночинца.

Г.И. Успенский, Болгария, «русская идея», «восточный вопрос», «разночинцы», «идеология».

G.I. Uspensky's sketches of Bulgaria are now undeservedly forgotten. G.I. Uspensky, who had witnessed the crisis in Russian-Bulgarian relations (in 1885–1887), expressed his views of the «Russian idea» and «Eastern question». These ideas were discussed amidst the troubled political atmosphere of 19th-century Russia and elaborated by such writers as I.S. Aksakov, F.I. Tyutchev, F.M. Dostoyevsky. They hoped for a unification of Slavs with their future capital in Constantinople. They believed the Russians should be viewed as a Messiah among the Balkan Slavs. Uspensky disagreed with the Slavic-Christian ideology. However, his position wasn't

shared by his fellow Narodniks. This article examines reasons why Russian intellectuals misunderstood the Uspensky's sketches about Bulgaria.

G.I. Uspensky, Bulgaria, «Russian idea», «Eastern question», «Raznochintsy», «ideology».

Введение

Болгарский эпизод в биографии и творчестве Г.И. Успенского охватывает события 1886–1887 гг. В это время Болгария переживала острейший кризис во взаимоотношениях с Россией. События этих лет: свержение князя Александра I Баттенберга, антирусская политика кабинета С. Стамболова, избрание нового князя Болгарии – Фердинанда Сакс-Кобург-Готского, непризнанного правительством России, – все более отдаляли друг от друга два славянских государства и привели к фактическому разрыву отношений [4]. Усиление антирусских настроений в освобожденной Болгарии предвидел Ф.М. Достоевский, предупреждавший еще в 1877 г. о «несомненной и близкой измене (болгар. – *Дячук Т.В.*) славянству ради европейских форм политического и социального устройства» [2, с. 81].

Успенский стал свидетелем болгарского кризиса и запечатлел свое понимание происходящего в ряде очерков, включенных им позднее в циклы: «Письма с дороги» (1886), «Мы» на словах, в мечтаниях и на деле» (1887) и два отдельных очерка – «Непривычное положение (Из впечатлений поездки по Дунаю)» (1888) и «Суежные попытки развеселить “скучающую публику”» (1889). Болгарские очерки Успенского давно забыты и редко упоминаются в обзорах его творчества. Сам писатель оценивал свой болгарский опыт как сугубо неудачный, оставивший, как сказано в одном из его писем, «подлые впечатления дунайской слякоти и грязи» [11, с. 30]¹. Непростой была издательская судьба очерков: из всех произведений Успенского они наиболее пострадали от цензуры. А после их публикации писатель был обвинен одновременно и в русофобии [1, с. 384–408], и в апологии «проклятых обрусителей» [Цит. по: 13, с. 210]. Чтобы разобраться в причинах писательской неудачи, необходимо вернуться к истории создания и рецепции очерков о Болгарии.

Основная часть

Итак, в июне 1886 г. Успенский собирается в Болгарию. Это была не первая его поездка на Балканы: в 1876 г. Успенский воочию наблюдал славянское освободительное дело в Сербии. Однако теперь ситуация изменилась. Добраться до охваченной мятежными настроениями Болгарии писателю не удалось: поездка была бы слишком опасной. Успенский избирает целью своего путешествия Константинополь – город, с которым, по словам писателя, связывается так «много сказочных, мечтательных настроений» [X (кн. 1), с. 398]. В самом деле, в русском культурном сознании XIX века Константинополь представлял не столько реальным географическим пространством, сколько конечной точкой в осуществлении «русской идеи». И.С. Аксаков, Ф.И. Тютчев,

Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский считали, что Константинополь должен объединить братские народы и ведущую роль в этом союзе племен сыграет Россия. Слова Достоевского, многократно высказанные на страницах «Дневника писателя», – «Константинополь должен быть наш» [XXV, с. 73] – приобретали силу заклинания².

Позиция Успенского оказывается существенно иной. Свои впечатления от поездки в Константинополь Успенский отразил в IX очерке из цикла «Письма с дороги». На первый взгляд, путевые заметки продиктованы логикой путешествия по Царьграду. Однако каждая достопримечательность, отмеченная туристом Успенским, включена в контекст споров о «русской идее», полемически заострена против славяно-христианской идеологии Аксакова, Тютчева, Данилевского и Достоевского.

Например, Успенский замечает собак, безмятежно спящих на улицах «второго Рима». Сравнивая балканские народы со сворами константинопольских собак, Успенский обесценивает мечту русской интеллигенции о братском союзе славян:

Нет, фантазия о братстве народов, о том, что люди одна семья и т.д., именно здесь-то, в этом Царьграде, в этом Константинополе, в этой Византии, в этом Стамбуле, – никогда не придут вам в голову. В самом обилии названий, которыми именуют “это место” на земном шаре, вы видите уж полную отчужденность племен и народов, *молчаливо* толкующихся на этих чудных берегах. Вы видите, что племена и народы эти *молчат*, потому что не обращают друг на друга внимания, что каждый гложет свою кость, что каждый думает “о своем” и чувствует, что оглянься они друг на друга, попробуй войти в интересы один другого, – и вместо молчания, среди которого снует “по своим делам” эта разношерстная толпа, послышится не человеческое, а звериное рычание, раздастся звериный лай, полетят куски мяса, как в собачьей свалке [X (кн. 1), с. 407].

В Константинополе соседствуют мусульманский Восток и буржуазный Запад. Исторический потенциал мусульманского Востока, по мнению писателя, ничтожен. Доказательством этому служит для Успенского – и в этом он остается верен эмансипационным принципам 1860-х гг. – судьба несвободной гаремной женщины. Влияние же Запада огромно, и осуществляется через культурную экспансию.

Миссию русских на Балканах объясняют два художественных образа. Первый – образ русской грешницы, оказавшейся на русском Пантелеймоновском подворье. Отец Амвросий призывает блудницу

¹ В дальнейшем все произведения и письма Г.И. Успенского цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

² О необходимости взятия Константинополя Достоевский заявил в мартовской книжке «Дневника писателя» за 1877 год (в статьях «Еще раз о том, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш» и «Самые подходящие в настоящее время мысли») и в ноябрьской книжке того же года (в статье «Толки о мире. “Константинополь должен быть наш” – возможно ли это? Разные мнения»).

вернуться на родину, а не искать спасенья в паломничестве к святым местам. «Сиди дома, кайся, не греши» [X (кн. 1), с. 413] – это наставление проецируется Успенским на весь русский мир, который, по его убеждению, тоже многогрешен. Подобно несостоявшейся богомолке, русские – лишние в Константинополе. Историческую неуместность России на Востоке проясняет и второй образ – образ храма Святой Софии: «Святая София невольно вспомнилась мне, как одинокая, чуждая среди этих двух совершенно определенных течений константинопольской жизни (азиатчина и европейство. – Дячук Т.В.), – и какая-то жалость к этой лишней, одинокой, сумрачной зрительнице чуждых ей жизней, целей и стремлений взяла меня за сердце. Взяла меня за сердце почему-то жалость и к нам: и мы чужды всему этому, чужды так же, как и София; но мы почему-то здесь, почему-то хотим быть здесь, и оба в каком-то странном, неопределенном положении» [X (кн. 1), с. 440–441].

В следующем 1887 г. Успенский все-таки побывал в Болгарии. Писатель несколько раз путешествовал по Дунаю, наблюдая болгарскую жизнь преимущественно с палубы парохода и беседуя с попутчиками – болгарскими и русскими. Это дало повод к язвительным замечаниям критика Н.Е. Васильева и мучительному самоощущению Успенского, оказавшегося «между людьми этих двух берегов» [X (кн. 2), с. 323]. Результатом этой поездки стали очерки «Мы» на словах, в мечтаниях и на деле». Название и построение цикла убеждают в том, что Болгария – лишь повод подумать о «нас», о настоящем состоянии русского национального духа. Успенский развивает сравнение России со Святой Софией. Подобно тому, как сквозь краску проступает полустертый лик Христа в мечети Айя-София, в болгарском деле должны были бы «проявиться наши “христианские” основы» [X (кн.2), с. 20].

Но русский мир, утверждает Успенский, привык обходиться «без Христа», «без Христа» вершится зло канцелярщины, «без Христа» живет русское образованное общество, «без Христа» процветает русский коммерсант.

Национальных грехов не замечает «обьюродевшая сердцем» [X (кн. 2), с. 12] русская интеллигенция, черпающая мнения из ангажированной русской прессы. Именно среди «русских читателей газет» [X (кн. 2), с. 97] – т.е. интеллигенции – возникает и разрастается «русская идея». Как часто бывает у Успенского, истинное положение дел известно простому человеку – носителю народного сознания и голосу исторической правды². Успенский называет своего героя Иваном Семеновичем. Это русский солдат,

хорошо знакомый с болгарскими порядками. Иван Семенович уверен в превосходстве болгар над русскими, потому что болгарское правительство позаботилось о том, «чтоб народ трудящийся без земли не оставался» (X (кн. 2), с. 89). За бесхитростными словами Ивана Семеновича прочитывается идеология народничества, а именно Н.К. Михайловского, убежденного в том, что национальная идея вторична, а «причина всех причин – социальный вопрос» [6, с. 316].

Успенский утверждает: русским нечего противопоставить освобожденным болгарам, у которых есть бесплатное начальное образование. Парадоксальность критики Успенского состояла в том, что в упоминаемые им школы для крестьянских детей пришли трудиться обученные в России болгарские учительницы. Дело в том, что на протяжении нескольких десятилетий постоянным направлением русской государственной политики и Московского славянского комитета была подготовка болгарской интеллигенции. В России получили образование более 700 болгар [10, с. 159]. Замалчивая эти обстоятельства³, Успенский рассуждает о «причинах нашего нравственного неуспеха в болгарском обществе» [X (кн. 2), с. 96], причинах, вызвавших быстрое охлаждение болгар к народу-освободителю.

По мысли Успенского, русская идея состоит исключительно в эмансипации. Русские побороли зло иноплеменного порабощения, и должны уйти. В Болгарии представителям «русской идеи» буквально нечем заняться, потому что «где тут *быдло* и где тут пан *угнетатель*?» [X (кн.2), с. 103]. Отыскивая примеры в недавнем прошлом России, Успенский цитирует мемуары И.Н. Захарьина – участника умиротворения польского восстания 1863 г. Обращение к документам, в которых сочувственно отзывались о деятельности М.Н. Муравьева, которого в демократической среде называли «вешателем», «людоедом» и «палачом», явилось неожиданностью для постоянных читателей Успенского. Так, например, будущий известный публицист А.И. Богданович, убежденный в том, что «русская идея» состоит не в эмансипации, а, напротив, в экспансии империализма, писал Успенскому: «Почему это, спрашивал я себя, даже Глеб Иванович отождествляет поляков с турками? Мне хотелось доказать Вам, что и в 1863 г. “прикрываться фразой освобождения” было неуместно, как неуместно это и теперь по отношению к Болгарии» [Цит. по: 13, с. 210].

Неловко коснувшись «польского вопроса», Успенский возвращается к «русской идее». Он уверен в том, что «русскую идею» надо обратить к социальным нуждам самих русских. Социально-нравственный идеал видится Успенскому в устроении России: решении земельного вопроса, всеобщей грамотности, воспитании общественных обязанностей в русской интеллигенции.

¹ Речь идет об органах консервативной печати: «Русском вестнике», «Гражданине» и газете «Новое время» – изданиях, занявших отрицательную позицию по отношению к воссоединению Болгарии в 1885 году [8, с. 11].

² Отметим, что Достоевский в решении «восточного вопроса» также апеллировал к мнению простого человека (См.: «Дневник писателя» за июль – август 1877 года «О безошибочном знании необразованным и безграмотным русским народом главнейшей сущности Восточного вопроса») [XXV, с. 214–218].

³ О том, что Успенскому были известны эти обстоятельства, свидетельствует его письмо к В.А. Гольцеву (начало сентября 1891 года): «На копейки “кружки” славянским братьям существует “Славянское общество”, и все сербы, болгары, хорваты воспитываются в высших учебных заведениях – именно на этот кружечный сбор» [XIV, с. 486].

Осмысление «русской идеи» требовало историко-софского контекста, в котором только и может осуществиться судьба нации: прошлое – настоящее – будущее. Как и другим писателям-разночинцам, Успенскому было свойственно, говоря словами О.Э. Мандельштама, «отстранение прошлого» [9, с. 684]. Историческое прошлое в публицистике Успенского почти никогда не простиралось далее его собственной прожитой жизни. В распоряжении Успенского – мыслителя и художника – было только настоящее. Затруднение Успенского угадал его друг и редактор «Русских ведомостей» В.М. Соболевский, который в письме к писателю мягко журил его: «В нас так мало осталось здорового и понятного для непосредственных читателей, что только, право, себя дразнить и раздражать, и людей смущать нашей философией. Как сами видите, – за ней приходится уже ходить к Мономаху и к славянофильско-Тютчево-Аксаково-Достоевского ерунде. Это плохой признак. Ведь эдак, пожалуй, и до Конфуция доедешь. Какие уж мы философы, когда всю жизнь нас только колотили, а мы даже и не кричали, – когда же тут было подумать и обдумать, когда и вздохнуть-то свободно было некогда!» [Цит. по: 13, с. 198–199].

Конечно, наивно было бы предполагать, что Успенский заимствовал философскую «ерунду» за неимением времени на то, чтобы «подумать и обдумать». Дело обстояло в мировоззренческой неспособности заметить в национальных взаимоотношениях универсальный смысл, не сводимый только к экономическим и политико-правовым вопросам. Напомним о том, что Успенский вышел из школы писателей-разночинцев 1860-х гг., пафос творчества которых состоял в отрицании всего, кроме потребностей человека, возведенных, по словам С.Л. Франка, «в религию абсолютного осуществления народного счастья» [12, с. 189]. Поэтому в Болгарии и в России Успенский увидел то, что позволяла ему разглядеть разночинная оптика: социальные условия жизни. В Болгарии они оказались лучше, о чем Успенский рассказал с той степенью объективности, которая была доступна ему – пассажиру, курсировавшего по Дунаю русского парохода. В ответ на критику Успенский в очерке «Суетные попытки развеселить “скушающую публику”» (1889) оправдывался: «Мы вовсе не интересовались ни Баттенбергом, ни Фердинандом, ни борьбой каких бы то ни было партий, а попросту сравнивали “порядки” деревенской жизни, жизни “народа”, одинаково трудящегося во всех странах белого света, но не одинаково благоустроенного» [XI, с. 315].

В то же время болгарское путешествие поставило Успенского в необходимость выступить в роли пророка. Успенского хорошо знали в Болгарии и ждали от него «чего-то истинного» [XIV, 22], ждали пророчеств. Это ожидание буквально привело Успенского в отчаяние. Об этом свидетельствует большое исповедальное письмо к Соболевскому (апрель – первая половина мая 1887):

«В этом письме я сто раз упомянул – я, я, я, – меня уважают, мне овации и т.д. Это вовсе не значит, что я говорю о себе, о Глебе Успенском, – а о таком писателе, которого, болгары знают, за них должен

быть. <...> Это, по их мнению, настоящая сила России, держащая в своих руках все, что в России искренно. Что же касается лично меня, то действительно *знают* и знают хорошо. Лучше, чем я сам. *Лично* для меня минута большая. Что если все это пойдет прахом? Тогда надобно будет поступить на железную дорогу, а писать уж и не смей! <...> Но тут-то, отец мой, милый Василий Михалыч, – нужен *прямой* ответ на каждое слово <...>. Что скажет *лучшая русская литература*? Ну-ко, что сказать?» [XIV, с. 23–24].

Ответом на этот вопрос стал очерк «Непривычное положение (Из впечатлений поездки по Дунаю)» (1888). В нем Успенский занят психологической интроспекцией, он вновь переживает «огорчение быть “ничьим”», «между двух берегов» [X (кн. 2), с. 310]. Свое самоощущение в качестве «постороннего» Успенский склонен объяснять своей принадлежностью к русской интеллигенции. Иное дело – простой человек, живущий непосредственной жизнью. Успенский вновь прислушивается к его мнению. Если не могут договориться дипломаты Болгарии и России, если молчит и боится интеллигенция двух государств, то «народные массы» находят общий язык. Залогом братской солидарности, нивелирующей любые национальные разногласия, становится сцена пьянства болгарских и русских матросов, которой и заканчивается очерк «Непривычное положение». Эта сцена возвращает Успенского к идеологии писателей-разночинцев 1860-х гг., которые народное единство понимали преимущественно как солидарность пьяных [3, с. 336–340]. По сути, это была капитуляция Успенского перед неразрешимостью «русской идеи». Он постарался забыть о «болгарском эпизоде», а в письме к В.А. Гольцеву от 20 декабря 1889 г. назвал последний очерк «сухой скукой» [XIV, с. 385], недостойной внимания.

Выводы

Несмотря на уничижительную авторскую самооценку, болгарские очерки Успенского представляют немалый интерес и должны быть включены в историю общественной мысли XIX века в качестве разночинной точки зрения на «русскую идею» и «восточный вопрос». Называя оппонентов Успенского – Аксакова, Тютчева, Леонтьева, Достоевского – «рыцарями» идеи, В.А. Котельников утверждает: «...развитие русского «восточного» сюжета уходило в эпическое будущее, пророческое предвосхищение которого составляло один из ведущих мотивов у писателей XIX века. С этим будущим они связывали представление о великом историческом призвании России, которой предстоит на религиозно-культурной почве Востока восстановить утраченное всечеловеческое единство» [7, с. 312].

Успенский последовательно отрицает «русскую идею»: будущему страны он противопоставляет ее настоящее, братству народов – их разобщенность, великой русской миссии – российскую неспособность обустроить собственное отечество. Несмотря на то, что позитивисту Успенскому была ненавистна роль пророка, некоторые из его «отрицательных»

предсказаний все-таки сбылись. Дальнейшая история показала неуклонное тяготение Болгарии к Западу [5, с. 393–403]. Первая мировая война, как и предвидел Успенский, началась на Балканах. Храм Айя-София – по-прежнему мечеть.

Литература

1. Васильев Н.Е. Примечания // Лавеле Э.Л.В. Болгарский полуостров. М., 1889. С. 185–410.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26: Дневник писателя за 1877 год. Л., 1983. В дальнейшем все произведения Ф.М. Достоевского цитирую по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.
3. Дячук Т.В. Писатели-разночинцы // История русской литературы XIX века: В 3 т. Т. 2. М., 2012. С. 322–353.
4. Золотухин М.Ю. Борьба держав на Балканах и Ближнем Востоке в середине 70-х – 80-х гг. XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.
5. История южных и западных славян: В 2 т. М., 1998.
6. Колосов Е. П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский о балканских событиях // Голос минувшего. 1916. №5-6. С. 307–329.
7. Котельников В.А. "Что есть истина?": (Литературные версии критического идеализма). СПб., 2010.
8. Куцаров П.Ж. Воссоединение Болгарии в 1885 году и русское общество (на материалах русской периодической печати): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
9. Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 2001.
10. Степанова Л.И. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50–70 годы XIX века. Кишинев, 1981.
11. Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. XIV. М., 1952.
12. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 175–210.
13. Чешихин-Ветринский В.Е. Г. Успенский в его переписке // Голос минувшего. 1915. №7. С. 192–219.

References

1. Vasil'ev N.E. Primechaniia [The notes]. *Lavele E.L.V. Bolgarskii poluostrov* [Lavele E.L.V. The Balkan peninsula]. Moscow, 1889, pp. 185–410.
2. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [The complete set of works in 30 volumes]. V. 26, Leningrad, 1983.
3. Diachuk T.V. Pisateli-raznochintsy [The writers-raznochintsy]. *Istoriia russkoi literatury XIX veka: V 3 t.* [The history of Russian literature of the 19th century in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow, 2012, pp. 322–353.
4. Zolotukhin M.Iu. *Bor'ba derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke v seredine 70-kh – 80-kh gg. XIX veka* [The struggle of powers in the Balkans and the Middle East in the mid-70s the 80s of the 19th century]. Moscow, 1995, 47 p.
5. *Istoriia iuzhnykh i zapadnykh slavian: V 2 t.* [The history of Western and Southern Slavs in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow, 1998, 271 p.
6. Kolosov E. P.L. Lavrov i N.K. Mikhailovskii o balkanskikh sobytiakh [P.L. Lavrov and N.K. Mikhailovskii about the developments in the Balkans]. *Golos minuvshago* [The voice of the past], 1916, №5-6, pp. 307–329.
7. Kotel'nikov, V.A. "Chto est' istina?" (*Literaturnye versii kriticheskogo idealizma*) ["What is truth?" (The fictional version of critical idealism)]. St. Petersburg, 2010, 669 p.
8. Kutsarov P.Zh. *Vossoedinenie Bolgarii v 1885 godu i russkoe obshchestvo (na materialakh russkoi periodicheskoi pechati): avtoref. dis. ... kand. ist. n.* [The Bulgaria reunion in 1885 and Russian society (on the materials Russian periodicals): author's Ph.D.]. Leningrad, 1988, 23 p.
9. Mandel'shtam O.E. *Sobr. soch.: V 4 t.* [The collected works in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow, 2001.
10. Stepanova L.I. *Vklad Rossii v podgotovku bolgarskoi intelligentsii v 50 – 70 gody XIX veka* [Russian contribution to the preparation of the Bulgarian intelligentsia in the 50 – 70s of the 19th century]. Kishinev, 1981, 214 p.
11. Uspenskii, G.I. *Poln. sobr. soch.: v 14 t.* [The complete set of works in 14 volumes]. Vol. 14, Moscow, 1952.
12. Frank S.L. *Etika nihilizma* [The nihilism ethics]. *Vekhi* [The milestones]. Moscow, 1990, pp. 175–210.
13. Cheshikhin-Vetrinskii V.E. G. Uspenskii v ego perepiske [G. Uspenskii in his correspondence]. *Golos minuvshago* [The voice of the past], 1915, №7, pp. 192 – 219.

УДК 070.19

О. В. Кырнышева

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Е.А. Рыжова
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорочкина

ЖУРНАЛЫ XVIII ВЕКА В ФОНДЕ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Статья посвящена вопросам анализа состава фонда Усть-Сысольской общественной библиотеки (г. Усть-Сысольск Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии) в разделе журналов XVIII в. На основе архивных материалов и сохранившихся в современных фондохранилищах экземпляров проведена реконструкция журнального собрания этого периода.

Периодические издания, журналы, литература, публичная библиотека, библиотечный фонд, культура Коми края.

The fund of the Ust-Sysolskaya public library founded in 1837 is the important source of the definition of XVIII century periodicals occurring in the territory of the Komi Republic. The journal collection of this period donated by readers in the 1850s was reconstructed on the basis of the archival materials and copies kept in modern repositories.

Periodicals, journals, literature, public library, library stock, the culture of the Komi Republic.